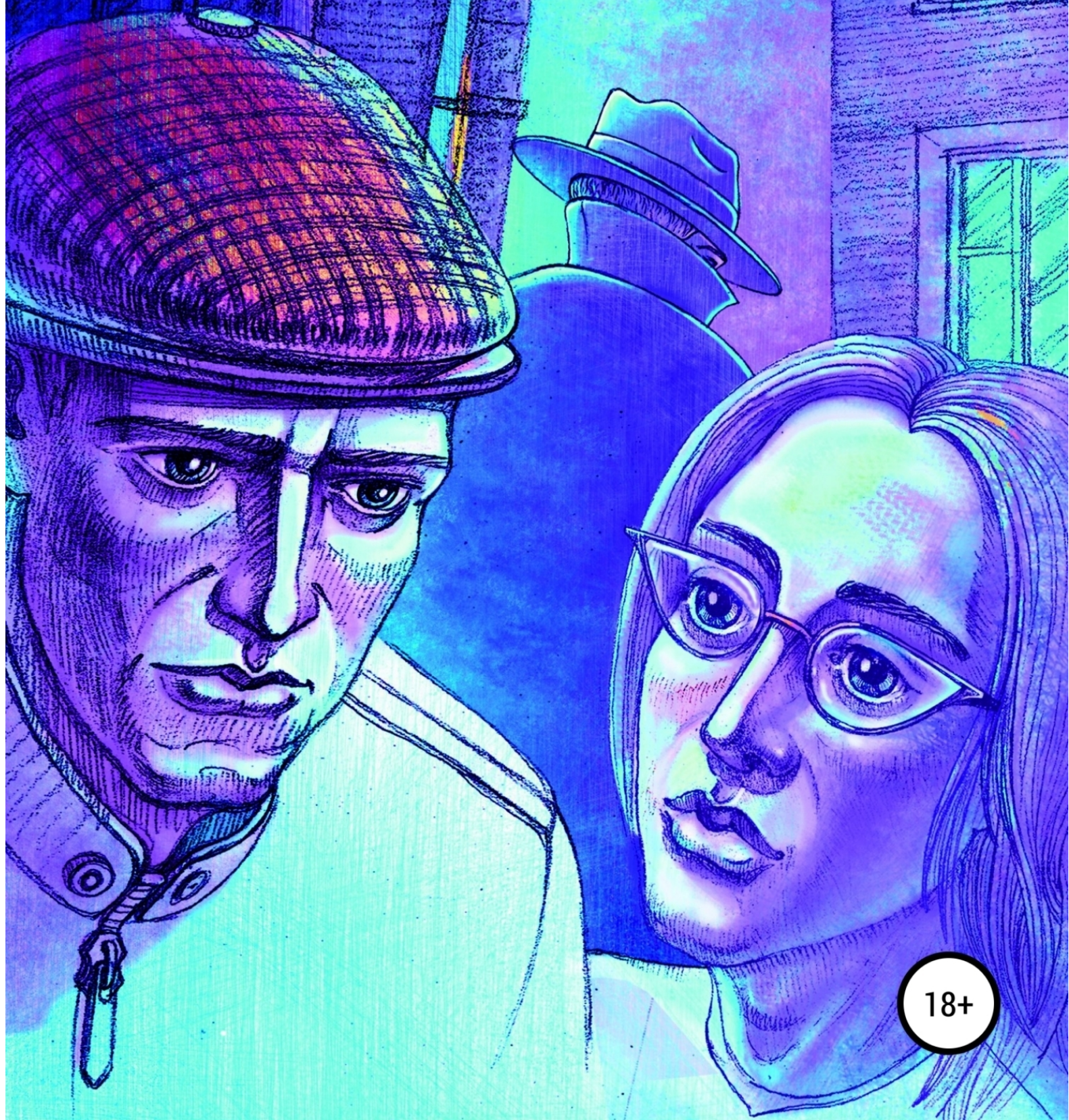

Андрей Толоков

ПОСЛЕДНИЙ ТУР

История четвёртая
ИСПОВЕДЬ ЛЮДОЕДА

18+

Андрей Толоков

**Последний тур. Исповедь
людоеда. История четвёртая**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Толоков А.

Последний тур. Исповедь людоеда. История четвёртая /
А. Толоков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98204-8

Уже в который раз подполковник Василий Куприянов сдаёт дела и собирается на гражданку. Именно в этот момент на его пути встречается Олег Пищук, очень состоятельный человек, приехавший из Англии, с просьбой разыскать беглого зека Залыгина. Сомов не берётся за это дело, а вот Василий Иванович соглашается помочь. Если бы Куприянов, зная в какой переплет он попадёт и какой опасности подвергнет не только свою жизнь но и жизни своих близких, то держался бы от Олега Пищука, Залыгина и всей этой компании подальше.

ISBN 978-5-532-98204-8

© Толоков А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава первая.	6
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Толоков

Последний тур. Исповедь людоеда. История четвёртая

Пролог

Девушка сидела на полу. Обе её руки были крепко привязаны верёвкой к трубе отопления. Она не могла ни подняться, ни лечь на пол. От такого неудобного положения ноги девушки затекли. Она пыталась вытянуть их, но мешал огромный тяжёлый ящик. Как раз между этим ящиком и стеной сидела пленница. Очень хотелось пить. Губы высохли и слиплись. Сквозь маленькое окно под потолком, несчастная видела кусочек уходящего в ночь неба. Скоро наступит ночь и опять придёт страх. Девушка боялась ночи. Не потому что становилось темно и холодно, а потому что была уверена – за ней придут ночью. Придут и...

Ещё два дня назад жизнь была прекрасна. Господи, сколько всего хорошего было впереди! А теперь подвал, разбитое лицо, посиневшие от верёвок руки и онемевшие ноги. Она точно знала, что здесь её никто не найдёт. Никто. Зачем она согласилась поехать в этот охотничий домик? Зачем? Наивная, поверила принцу, а он оказался монстром. За своими мрачными размышлениями она не заметила, как за маленьким окошком совсем стало темно. За дверью послышались мужские голоса. Говорили тихо. Разобрать о чём говорят было невозможно. Затем щёлкнул засов и дверь распахнулась. В освещённом проёме она увидела силуэты двух мужчин. Одного из них девушка узнала. А вот второго...

Глава первая.

Каждое утро Виктора Андреевича Кузоватова, врача тюремной больницы, вот уже полтора десятка лет было как близнец похоже на предыдущее. Всё те же кабинеты, те же палаты, очень часто те же лица осуждённых. Сидели в этой колонии подолгу, болели часто, а на свободу выходили редко. Поэтому Виктор Андреевич знал про свой спецконтингент всё. Ему даже без надобности было заглядывать в медкнижки.

Нынешнее утро ничем примечательным не отличалось. Дежурная медсестра Галя зашла в кабинет для доклада. Галя рассказала, что ночь прошла спокойно.

– А что Залыгин, – спросил врач, – ночью кричал, бредил?

– Нет. Залыгин попросил укол перед сном. А утром, часов в пять потребовал к себе начальника оперчасти.

– Зачем ему Баршин понадобился?

– Не знаю, Виктор Андреевич, – устало ответила Галя. – Я передала дежурному.

Врач отпустил Галю и, дождавшись её сменщицу, пошёл на обход. В палате Залыгина Виктор Андреевич задержался. Максим Залыгин был тяжело болен. Онкология. Вряд ли осуждённый доживёт до освобождения. Тем более что до него было ещё почти восемь лет. Сам Залыгин знал о своём недуге и уже ни на что не надеялся. Просто ждал смерти. Он мало ел, ни с кем не разговаривал и практически не вставал с постели. Умирал.

Икону Виктор Андреевич увидел на прикроватной тумбочке около Залыгина несколько дней назад. Врач не стал интересоваться, откуда она взялась. Знал, принёс кто-то из персонала. Жалко было Залыгина, хоть и зверь он, и убийца, но человек.

– Здравствуйте, Залыгин, – сказал доктор, подойдя к кровати больного. – Про самочувствие спрашивать не буду. И так знаю. Пожелания какие-нибудь есть?

Залыгин медленно повернул голову в сторону врача и хриплым, ослабшим голосом сказал:

– Я просил сестру вызвать ко мне Баршина. Больше никаких пожеланий нет, – больной снова отвернулся к окну.

– Зачем вам Баршин? – поинтересовался Виктор Андреевич.

Залыгин опять повернул голову и зло посмотрел на врача. По свирепому, волчьему взгляду Виктор Андреевич понял, что лучше вопросов не задавать. Всё равно ответа не получить.

– Хорошо. Галя уже сообщила дежурному. Баршин придёт. Правда, когда не знаю.

Виктор Андреевич не стал говорить больше ничего, молча повернулся и вышел из палаты. Его, привыкшего к разному необычному поведению больных, взгляд Залыгина напугал. Нет, не напугал, а нарушил душевное равновесие. Правильно будет сказать – расстроил. Доктор направился к следующей палате. В эту минуту в конце коридора появился начальник оперчасти майор Баршин – молодой, подтянутый, энергичный. Он шёл уверенно, громко топя начищенными ботинками. Виктор Андреевич поздоровался с майором и предложил сопроводить его до палаты Залыгина.

– Нет, нет! – остановил доктора Баршин. – Вы продолжайте обход. Я поговорю с ним наедине.

Зайдя в палату, офицер плотно закрыл за собой дверь и подошёл к Залыгину.

– Чего вы хотели, Залыгин? Говорите, у меня мало времени.

– У меня ещё меньше, – пробормотал себе под нос больной.

– Чего? – не расслышав, переспросил майор.

– Гражданин начальник, – стараясь изо всех сил говорить громче, хрипел Залыгин. – Я хочу чистуху написать.

– Какую чистуху? – Баршин не скрывал удивления.

– Я ещё одного человека убил. Вернее женщину. Вызовите следака. Очень прошу.

Баршин присел на край кровати.

– Я вызову, обязательно вызову. Только скажи мне, Залыгин, чего вдруг?

Залыгин с трудом повернул голову и посмотрел на икону. Смотрел на неё долго, как бы разговаривая с ней. Потом сказал:

– Сон видел сегодня. Его, – больной указал пальцем на потолок. – Ну ты понимаешь, начальник? Он пообещал, что если в смерти женщины признаюсь, то даст мне ещё пожить. А я хочу.

– Непохоже на тебя, Залыгин. Что-то не верится мне.

– Следака позови. А то помру и не успею.

– Хорошо! – ответил, вставая с кровати майор. – Только сначала доложу начальнику колонии. Ты уж не помирай. Подожди немного.

Залыгин вдруг приподнялся на локтях. Это было для него нелегко.

– Имей в виду, начальник. Эта тёлка, которую я грохнул, непростая. Большая шишка. Если бы тогда узнали, что это я её, был бы на пожизненном.

Начальник колонии подполковник Вишняков с сегодняшнего дня был в отпуске. Он против своего обыкновения спал до девяти утра. А на четверг уже был куплен билет на поезд до Лазаревского, где в ведомственной санатории Валерий Георгиевич собирался вместе с женой провести три недели.

В половине десятого, когда Вишняков только сел перед телевизором выпить кофе, раздался звонок. Звонил Баршин. Вишняков поморщился недовольно, но на звонок ответил.

– Ну чего тебе, Степан, я в отпуске. Решай всё сам. Учись, – подполковник не давал Баршину вставить слово. – Я же просил с сегодняшнего дня меня не трогать. Просил ведь?

– Валерий Георгиевич, я всё помню. Но ситуация нестандартная.

Баршин рассказал Вишнякову о разговоре с Залыгиным.

– Тебя, Степан Алексеевич, прямо подмывает вывалить мне эту новость в первый день отпуска, – ворчал в трубку подполковник. – Чего тебя не устраивает? Хочет признаться, вызывай следователя. А лучше сам всё оформи. Вдруг помрёт раньше времени.

– Что-то меня во всём этом настораживает. Мутит Залыгин, – высказал сомнения Баршин. – Сон видел. Бог ему жизнь пообещал. Может лучше психиатра вызвать, а?

– Я, Степан, уже двадцать лет в этой системе работаю. Встречал такое. Как ни странно, бывает. Хорошо. Я скоро приеду. Дай ему бумагу, пусть пока излагает.

Когда Вишняков прочитал написанное Залыгиным признание, он зачесал в затылке, приговаривая:

– Ух ты, ух ты, ух ты! Это меняет дело.

– Так, я вызываю следователя. Я правильно понял по вашей реакции? – спросил Баршин.

– Совсем неправильно, – буркнул под нос начальник и принялся перечитывать признание Залыгина.

Вишняков прекрасно, в отличие от молодого Баршина, знал кто та женщина, а вернее девушка, в убийстве которой признавался Залыгин. Дело было даже не в девушке, а в том кто её отец. Вишняков посадил Степана напротив себя, положил на стол лист бумаги с признанием и, ткнув указательным пальцем в этот листок, спросил:

– Ты понимаешь, что тут написано?

Баршин пожал плечами и не ответил начальнику.

– Молод ты ещё, Стёпа, – продолжал Вишняков, говоря всё тише и тише. – Что на самом деле не знаешь кто такой Олег Адамович Пишук?

Опер опять пожал плечами. Тогда Вишняков рассказал майору про некогда могущественного в стране человека. И про то, как внезапно он после исчезновения дочери отошёл от дел и уехал из страны.

– Я как раз в это время был на коллегии в МВД и там поговаривали, что если найдётся человек, который достанет информацию о дочери Олега Адамовича, то получит за это хорошее вознаграждение. Теперь скажи мне, Степан, ты же не хочешь, чтобы это вознаграждение получил следователь, которому ты так спешишь позвонить?

– Но... товарищ подполковник, такие правила. Да и времени прошло много.

– У тебя когда-нибудь пропадал ребёнок?

– Нет, слава Богу.

– Время в этом случае только острую боль притупляет. Но язва не заживает никогда.

– Значит, я так понимаю, действовать будем сами?

– Правильно понимаешь, майор. Никому ни слова. Я завтра выезжаю в Москву. Сделай мне копию этой бумажки, – Вишняков подвинул листок Баршину и строго добавил. – Никому! Понял меня?

– Конечно, понял.

Олег Пищук уже без малого десять лет жил в своём поместье на Туманном Альбионе, в графстве Суррей. Он теперь ни с кем не дружил, избегал всякой публичности. Когда выезжал куда-нибудь из своего убежища, то делал это инкогнито. Олег добивался того, чтобы про него забыли. И судя по всему, достиг своей цели. Рядом все это время с ним был лишь один человек. Человек, которому Олег доверял всецело. Преданный и надёжный Юрий Глотов. Юра работал у Пищука, начиная с далёких девяностых, и с тех пор обеспечивал безопасность своего шефа. Ещё в советское время Глотов окончил специальную школу и готовился к работе в контрразведке. Но Союз развалился, и Юра решил не служить новой стране. Он, как и некоторые его товарищи, переметнулся в другой лагерь. Связи, которые у него остались, умело использовал. Благодаря этим связям и встретился очень вовремя с Пищуком. Глотов добросовестно работал на своего шефа. Впоследствии он смог оградить Олега Адамовича от больших неприятностей, сохранить жизнь и здоровье миллиардера. Всё это благодаря не только своим навыкам, но и какому-то звериному чутью. Пищуку иногда казалось, что Глотов знает, что случится через мгновение, через пять минут и даже через час.

В конце девяностых, когда Олег судился за обладание контрольным пакетом акций одного крупнейшего банка, на него готовили покушение. Окружение Пищука об этом не знало. От милиции и ФСБ никаких сигналов не было. У желающих убрать с дороги конкурента в лице Олега Адамовича, были и силы, и средства, и необходимая поддержка. После тяжёлых переговоров, под утро, Пищук, довольный их исходом, направился с охраной к своему лимузину. Вся свита зашла в лифт, и один из охранников нажал на кнопку «паркинг». В эту минуту Юра Глотов остановил лифт.

– В чём дело, Юра? – спросил недовольным тоном Пищук. – Что случилось?

– Нам нельзя ехать на вашей машине, – почему-то шёпотом сказал Глотов.

Пищук вопросительно посмотрел на начальника своей охраны.

– Не спрашивайте, – ответил на этот взгляд Юрий. – Мы с вами выйдем через главный вход и вызовем такси.

Олег увидел глаза Глотова и решил не возражать. Пищук, по настоянию Глотова, отдал свой клубный пиджак одному из охранников, а сам надел его чёрный. Глотов остановил лифт на втором этаже и вывел шефа на улицу. Они сели в такси и спокойно поехали в офис Пищука. А лимузин, ждавший на подземном паркинге, взорвался, как только выехал с парковки. Как Глотов почувствовал опасность, для всех, в том числе и для самого Юрия, оставалось загадкой.

Десять лет назад у Олега случилось несчастье. Пропала дочь Анна. Единственная, любимая. Ей только что исполнилось двадцать. Умная, красивая девочка. Для Пищука она была единственным лучиком доброты и надежды в его алчном, безжалостном мире. Все свои надежды, надежды на будущее он связывал только с Анной.

В тот день, когда Анна исчезла, Олегу не сообщили об этом. Не сообщили по простой причине. Он лежал в реанимации после только что перенесённой операции в израильской клинике. Узнал Олег о несчастье только на третий день, когда разрешили врачи. Он не помнил, как Готов привёз его в Москву. Всё было будто в тумане. После операции врач настаивал на длительной реабилитации, но Пищук отказался. Ему не нужна была жизнь без дочери. Она теряла всякий смысл. Поиски результатов не дали. Сам министр внутренних дел следил за розыском, но всё оказалось напрасно. Анна пропала бесследно.

Пищук связался с ФСБ. Искали следы пропавшей девушки на Кавказе. Была надежда на то, что похитители, если они были, позвонят. Олег готов был отдать все, что у него есть, лишь бы Анна вернулась. Но звонка не было. Готов в те дни не уставал повторять:

– Не там ищем, Олег Адамович. Среди своих надо искать.

Но Пищук этого не слышал. Он тогда вообще никого не слышал. Олег потерял себя и искать среди своих не собирался.

Через месяц, когда надежды на то, что Анна найдётся, начали таять, Пищук решил продать всё своё имущество, все активы в России, и уехать. Уехать отсюда подальше. Уехать и попробовать забыть эту часть жизни. Его, человека властного, амбициозного, некогда стоящего над властью, заменил человек отчаявшийся, безразличный, озлобленный на весь мир.

Олег Адамович так и сделал. Лишь Юре Готову он предложил поехать с ним в Англию. Юра согласился. Пищука стали постепенно забывать. Он сам прилагал к этому усилия. В конце концов, добился. Спустя много лет про Олега Пищука помнили лишь немногие в родной стране.

Этим утром Олег Адамович сидел с удочкой на берегу пруда в своём имении. Утро было пасмурным, но не дождливым. Как правило, в такие минуты никто не имел права беспокоить хозяина, разве что Юрий. Готов шёл к Пищуку, держа в руке мобильный телефон. Олег, увидев Юрия, тихо спросил:

– Это подождать не может?

– Нет.

– Кто?

– Не удивляйтесь, Горецкий.

– Аркадий Наумович? – Пищук положил удочку, взял телефон из рук Глотова и отошёл в сторону.

Горецкий, бывший адвокат Олега, не звонил ему уже лет пять, а то и шесть. Тем удивительнее был для Пищука его утренний звонок.

– Доброе утро, Аркаша, – сказал Пищук в трубку. – Не ожидал тебя услышать через столько лет.

– Аналогично, – со свойственным ему проносом ответил Горецкий. – Не думал, что позвоню вам через столько лет. Но... – Горецкий замолчал.

– Что–то важное? – насторожился Пищук. – Или неприятное?

– Скажу так: и то и другое.

– Выкладывай, – уже в приказном тоне сказал Олег.

– Напротив меня сидит человек. Подполковник Вишняков. Он... – Горецкий опять замолчал.

– Чего ты мямлишь, Аркадий? – резко отреагировал на нерешительность адвоката Пищук.

– Он знает, кто убил твою дочь, – выдавил из себя адвокат.

Наступила пауза. Пищук убрал телефон от уха и прижал его к груди. Словосочетание «убил твою дочь» Пищук услышал впервые. Никто и никогда слово «убил» рядом с именем Анны не упоминал. Фраза адвоката больно резанула слух Олега.

– Алло! Алло! – слышал в трубке призывы Горецкого Пищук, но отвечать не спешил. – Алло, Олег Адамович! С вами всё хорошо?

Пищук посмотрел на Глотова суровым взглядом, как смотрят на гонца, принесшего дурную весть. Глотов выглядел невозмутимым, хотя в глазах, еле заметно, мелькнула настороженность.

– Дай трубку этому подполковнику, – прервав молчание, сказал Олег.

– Вишняков, – голос начальника колонии дрожал. – Слушаю вас.

– Это я тебя слушаю, – грубо ответил Пищук. – Рассказывай. Только коротко.

Пищук слушал Вишнякова внимательно, ни разу не перебив. Потом отдал трубку Глотову и уверенно произнёс:

– Летим в Москву.

Глотов отрицательно покачал головой. Пищук увидел это и, повернувшись спиной к Юрию, добавил:

– Не обсуждается. Заказывай билеты.

Время утреннего завтрака было, пожалуй, то единственное время во всех сутках, когда Василий, Людмила и Маша собирались вместе за столом. Сегодня завтрак готовил Василий. Ему теперь не надо было спешить на службу. Он уже неделю как был в отпуске. Начальник управления генерал Габашидзе строго–настрога запретил Куприянову приближаться к управлению.

– Увижу, лишу премии, – угрожал Михаил Ревазович. – Отпуск отгуляешь, медкомиссия и потом на заслуженный отдых. Ты, Василий, это заслужил. Отдыхай.

Но даже за неделю безделья Куприянов никак не мог привыкнуть к подобному образу жизни. Вдруг исчезли куда-то ночные звонки, утренние сводки, нагоняи от вечно недовольных начальников, допросы, осмотры, эксперты. Василий даже поймал себя на мысли, что скучает по некогда ненавистным отчётам и справкам. Словом, повседневное бытие приобретало новые формы.

– Вася, – прервала молчаливый завтрак Людмила, – ты ходил вчера в банк? С Платоновым встречался?

– Ходил. Встречался, – односложно ответил Василий.

– И что? – продолжала Людмила.

– Хороший мужик.

– Я знаю, что он хороший мужик. Я тебя не о том спрашиваю, – сердито сказала Загурская – Что он сказал по поводу работы в их банке, это меня интересует. Какую зарплату он тебе предложил? Давай колись, подполковник.

– Колюсь. Ничего он мне не предложил. Сказал, что у него пока вакансии для меня нет. Появится в конце года. Тогда говорит, возьмём вас с удовольствием. Про моё удовольствие он не спрашивал.

– Так ты чего, не хочешь ждать? Или...

– Или, Люда. Ну сама посуди. Что это за работа? Даже если он предложит хорошую зарплату. Я же там зачакну. Целыми днями сидеть в кабинете и проверять на благонадёжность заёмщиков. Это не моё.

– А что твоё, – Людмила начинала злиться. – Гоняться за убийцами и бандитами твоё? Голову подставлять под пули – твоё?!

– Можно подумать, что ты гоняешься за другими людьми, – с издёвкой добавил Куприянов. – У тебя сплошь паиньки, интеллигенты и вежливые воришки, да?

– Нет, Василий, – Загурская громко положила вилку на стол и отодвинула тарелку. – Я тоже ловлю убийц. Но заметь, делаю это в кабинете. Пока эти монстры на свободе я с ними не пересекаюсь. Это совсем другая работа, не такая опасная как твоя.

– Не зарекайся, любимая.

– Так, – в разговор вмешалась Маша. – Хватит, работники правопорядка. Чего вы с утра собачитесь? Найдёт себе дядя Вася приличную и интересную работу. Не всё сразу.

– Вот, – поддержал Машу Василий. – Какая мудрая у тебя дочь, Людмила Валентиновна. Я завидую её будущему мужу. Повезёт же кому-то. А твой Платонов, между прочим, Людочка, предложил мне перекантоваться до конца года у какого-то бугра, по фамилии Гришин. Ему надо службу безопасности перетрясти. Будет желание, позвоню этому Гришину. Вдруг дело интересное.

– Сразу нельзя было сказать, – обиженно произнесла Загурская. – Треплешь нервы старшему следователю следственного комитета. Пожалуюсь на тебя твоему другу Молчанову, он тебя оштрафует. Или прикажет мне дело на тебя завести. Посажу ведь, Куприянов!

– Согласен! Прости, дорогая! Хочешь, я тебя на работу подвезу.

– Не надо. За мной машина приедет. А ты не забудь, что тебя сегодня ждут в поликлинике МВД. Всё, до вечера.

Загурская поцеловала Машу и Василия и вышла из кухни.

В поликлинике как всегда народу было много. Василий даже подумал, что надо прийти в другой день, но потом, вспомнив, что ему некуда спешить решил занять очередь к терапевту.

– Василий Иванович, – услышал Куприянов знакомый голос, – заболел что ли?

Василий увидел сидевшего рядом Эдика Сомова, бывшего опера Заречного отдела, а теперь владельца частного детективного агентства.

– Привет, Эдуард, – улыбнулся Василий. – Нет, не болею я. Медкомиссию надо проходить. На пенсию рвусь. Остановить некому.

– Насколько я помню, вы уже лет пятнадцать пытаетесь уйти.

– Больше, Эдик. Воры да убийцы не пускали.

– На рыбалку будете ездить или работу искать?

– Какой из меня рыбак. Работу ищу. Не сидеть же на диване.

– Есть предложения?

– В банк к Платонову хотел пойти, но там вакансия только в конце года появится. Предложение есть к какому-то Гришину наняться. Безопасность свою хочет усилить.

– Не ходите туда, – уверенно сказал Сомов.

– Чего так?

– Не ваш это контингент.

– Заешь Гришина?

– Удивлен, что вы его не знаете. Известный толстосум в нашей области.

– Может быть, я его и знаю, но раз я этого Гришина не ловил и в камеру не сажал, значит, мой опытный мозг решил его не запоминать. Раз ты, Эдуард, не советуешь, тогда не пойду.

– Василий Иванович, – Сомов подвинулся ближе к Куприянову, – а приходите ко мне. Я вас готов компаньоном взять. Я вас хорошо знаю, вы меня хорошо знаете. Приходите.

Куприянов сразу не ответил. Он вопросительно посмотрел на бывшего коллегу, почесал висок и только потом ответил:

– А что, почему бы не прийти? Когда?

– Я завтра уеду на две недели, матушку надо навестить. Как вернусь – позвоню.

– Договорились.

Пищук сидел в кабинете начальника колонии Вишнякова. Перед ним лежало несколько листов бумаги, которые он только что прочитал. Это было письменное признание Залыгина. Пищук поднял на Вишнякова остекленевшие глаза.

– Почему он не пишет, кто заказал ему это убийство?

– Этого я не знаю, – ответил Вишняков. – Спросите у него сами.

Пищук резко поднялся со стула, да так резко, что начальник колонии даже подпрыгнул в своём кресле.

– Ведите к нему, – решительно сказал Олег.

Залыгин никак не реагировал на то, что в палату вошло сразу несколько человек. Он только слегка приоткрыл глаза. Пищук остановился в паре шагов от осуждённого, который признался в убийстве его любимой Анны. Олег Адамович смотрел на это изнемождённое болезнью тело и спрашивал себя: что дальше? Что делать с этим? Он повернулся к стоящей за его спиной свите и сказал:

– Уйдите все! Оставьте нас!

Никаких возражений не последовало. Все присутствующие послушно вышли из палаты. Последним выходил Глов. Юрий остановился перед дверью и вопросительно посмотрел на шефа. Пищук понял этот взгляд.

– Останься, – сказал он тихо Глову. Затем наклонился над Залыгиным и спросил. – Ты меня слышишь?

Максим продолжал полуоткрытыми глазами смотреть на белую стену палаты и никак не реагировал на вопрос Олега.

– Слышишь. Знаю, что слышишь, – продолжал Пищук. – Кто заказал убийство Анны? Кто?

Залыгин лежал неподвижно. Он будто не видел и не слышал гостя.

– Ладно, – после паузы сказал Олег Адамович. – Если скажешь, кто заказчик, то я тебя вылечу. Завтра же сюда привезут самые лучшие лекарства, и ты пойдёшь на поправку. Жить хочешь?

Залыгин медленно повернул голову в сторону Олега. Полминуты смотрел на Пищука, а потом, подняв левую руку, показал кукиш.

– Сначала вылечу, – слабым голосом произнёс Залыгин. – А потом я тебе всё расскажу.

Пищук повернулся к Глову, стоящему за спиной. Глов отрицательно покачал головой, мол, не верь этому убийце. Пищук выпрямился и подошёл к окну. Он думал, в какую сторону склониться. Поверить обещанию заключённого или положиться на чутьё своего помощника? Допустим, он поверит Залыгину. Что Олег теряет? Деньги на лечение? И что? Для него это пустяк. Рискует тем, что Залыгин поднимется на ноги, а потом обманет? Но тем хуже для него. Пищук не прощает таких разводов. Он просто закопает Залыгина живьём. Или придумает более изощрённую казнь, тем более этот отморозок, убивший его дочь, такой участи заслуживает. В эту минуту Пищук твёрдо решил, что наказать, вернее, лишить жизни Залыгина должен он сам. Уступить это «удовольствие» Создателю Олег не желает. Но покончит он с Залыгиным потом. Тогда когда узнает имена всех виновных в смерти дочери. Пищук опять наклонился над больным.

– Я тебя подниму, – сказал он Залыгину. – Но если ты меня кинешь, ты пожалеешь, что не умер здесь, в этом бомжатнике.

Залыгин улыбнулся. Глаза опять закрылись, а улыбка застыла на лице.

Пищук вышел из палаты. В коридоре он подошёл к Вишнякову и решительно спросил:

– Где этот дом, про который он пишет?

– Степан Алексеевич, – подполковник кивнул в сторону начальника оперчасти, – вам всё объяснит.

Пищук, не говоря ни слова, пошёл к выходу.

В своём признании Залыгин написал, что уже мёртвую девушку он привёл на стройку. Там, завернув труп в толстый чёрный полиэтилен, положил между досками опалубки. Замешал бетон и засыпал труп. На следующий день рабочие залили опалубку бетоном. Так что Анна покоится в фундаменте частного дома. Залыгин скрыл то, что ему помогал его давний друг Сергей Бочкарёв. Он как раз работал на этой стройке прорабом. Скрыл это Залыгин намеренно. У него были планы на Бочкарёва. Может случиться так, что помощь Сергея понадобится Залыгину.

Пищук вышел из машины и посмотрел на дом, в фундаменте которого лежали останки его Ани. Глотов подошёл к воротам и нажал на звонок. Через пять минут Пищук уже беседовал с хозяином дома. Это был достаточно молодой человек. Роста выше среднего с длинными волосами и банданой на голове. Чем-то похож на байкера или художника. Представился он Александром.

– Вы сами-то понимаете, о чём просите меня, – возмутился хозяин дома. – С какого перепуга я должен вам разрешить разобрать фундамент? Что вы там хотите найти?

– Юра, – Пищук обратился к Глотову, видимо, не желая больше тратить силы на убеждение Александра. – Поговори с молодым человеком. Я в машине посижу.

Глотов кивнул и, взяв Александра под руку, начал вкрадчивым голосом говорить:

– Вы, Александр, нас не поняли. Мы не собираемся разрушать ваш дом. Нам надо разобрать только небольшую часть фундамента. Потом мы всё восстановим. Более того, Олег Адамович заплатит вам за беспокойство. Согласны?

– Нет, вы в своём уме?! – продолжал возмущаться хозяин дома. – Что вам вообще надо от моего дома?!

– Вы меня не слышите, – всё тем же убаюкивающим тоном говорил Юрий. – Вам за беспокойство заплатят. Много заплатят. Понимаете, что такое много?

– Нет. Я не разрешу ломать мой дом. Уезжайте.

Александр зашёл во двор и хлопнул калитку.

– Поехали в банк, – сказал Пищук, выслушав пересказ разговора от Глотова. – Приедем через два часа с наличкой. Когда люди видят много денег, они ведут себя по-другому. Да, и хороший торт надо купить. Напросимся на чай.

И через два часа ни Александр, ни его жена Лариса, не были рады неожиданным и нахальным гостям.

– У вас там что-то спрятано? – спросила Лариса. – Скажите что, и мы поймём.

– Лучше, Лариса, – говорил Пищук, – вам не знать что там. Спокойнее будет жизнь. Не спрашивайте об этом. Договорились?

В ответ Лариса фыркнула. Олег сделал жест рукой и Глотов вывалил на стол в гостиной несколько пачек пятитысячных купюр.

– Здесь восемь миллионов, – сказал Пищук, указывая на деньги. – Ваш дом стоит пять. Я покупаю у вас этот дом. Через полчаса Юра привезёт сюда нотариуса. А завтра вы отсюда съедете.

Олег смотрел как взгляды Александра и Ларисы приклеились к кучке денег. Они смотрели то на деньги, то друг на друга. Александр, было, хотел взять одну пачку в руки, но Лариса одёрнула мужа.

– Мы не хотим продавать дом. Мы привыкли здесь жить. Да и работаю я вот, – Лариса показала в окно на небольшое современное здание неподалёку, – в двух шагах отсюда.

– Подумайте хорошо, – сказал Пищук.

– А чего тут думать? – продолжала женщина. – Во-первых, стоит наш дом не пять, а шесть или шесть с половиной миллионов. А во-вторых, у меня хорошая зарплата. Я эти два миллиона за год заработаю. Незачем нам дом продавать.

Олег Адамович встал, подошёл к окну и, посмотрев в него, спросил:

– А что это за здание? Где вы работаете?

– Я главный бухгалтер в агрофирме «Восток».

– Да? И кто у вас там рулит?

– Гришин. Он меня лично пригласил к себе на работу.

– Гришин? – переспросил Пищук. – Виталик Гришин?

– Ну для вас может быть он и Виталик, а для меня Виталий Сергеевич.

Пищук ещё раз посмотрел в окно, затем достал из кармана мобильный телефон и протянул его Глотову.

– Юра, посмотри, у меня должен быть номер Виталия.

Пока Гловот искал номер Гришина, Пищук подошёл вплотную к супружеской паре. Он держал руки в карманах, а взглядом измерял то Ларису, то её мужа. Гловот подошёл к шефу и молча протянул ему телефон. На дисплее высветился номер Гришина. Надо было только нажать на вызов. Пищук взял телефон, посмотрел на дисплей и поднял взгляд на Ларису.

– Сейчас я позвоню Виталию и у тебя, девочка, не будет ни работы, ни зарплаты. Вот тогда я куплю у тебя этот дом за копейки. Звонить?

Слово «звонить» Пищук сказал так громко, что женщина вздрогнула.

– А чего пугать? – вдруг рявкнул Александр. – Да он блефует! Звоните! Мы слушаем.

Олег нажал на вызов.

– Алло! Виталий, привет! – говорил в трубку Пищук, предварительно включив громкую связь.

– Привет! – ответил Гришин. – Не узнаю.

– Ещё бы! Десять лет прошло.

– Господи! Олег Адамович! Вы откуда мне звоните?

– Сейчас это неважно, – Пищук говорил с Гришиным и всё время не отрывал взгляд от Ларисы и её мужа.

Лариса поняла, что человек, сидящий в их гостиной, имеет очень большой вес, раз её всемогущий шеф разговаривает с ним на вы. Она резко подошла к Пищуку и жестом показала, что надо обсудить продажу дома. Пищук ещё сказал несколько ничего не значащих фраз Гришину и прервал разговор.

– Мы согласны, – сказала женщина. – Везите нотариуса.

– Я рад, что смог вас убедить, – с ноткой иронии произнёс Пищук. – Только теперь вот что.

Олег взял из кучки денег одну пачку и бросил её Глотову. Тот поймал.

– Ваш дом теперь стоит не восемь миллионов, а семь с половиной. Это штраф за упрямство. Возражения есть?

– Подождите! Но это... – опять забасил Александр, но Лариса его остановила.

– Всё понятно. Мы согласны. В следующий раз будем умнее.

Сделку оформили этим же вечером. Пищук довольно сухо попрощался и вышел. А Гловот напомнил семейной паре, что завтра до полуночи они должны съехать.

Залыгин не соврал. Именно в том месте, где он указал, нашли останки Анны. Пищук долго стоял около истлевших костей. Глотову казалось, что шеф окаменел. Он не шевелился и даже, казалось, не дышал. Юрий не смел вмешаться. Это было свидание живого отца и погибшей дочери.

Пищук жестом подозвал к себе стоящего сзади Глотова.

– Этот живоде́р должен точно так же закончить свою жизнь, – прошипел Олег. – В бетоне. Только не мертвым, а живым. Слышишь? Живым!

– Я вас понял, Олег Адамович. Так и будет, – ответил Юрий.

Готов появлялся в колонии, где содержался Залыгин, практически через день. Вишняков перенёс свой отпуск на более поздний срок и с нетерпением ожидал, когда же Пищук расщедритя и, наконец, отсыплет обещанное вознаграждение. Прошло уже три недели, а Пищук не появлялся. И вот сегодня Олег Адамович приехал вместе с Готовым. Вишняков накрыл стол в кабинете и ждал когда высокий гость войдёт.

Пищук вошёл в кабинет начальника колонии и, увидев накрытый стол, брезгливо поморщился. Вишняков заметил эту гримасу, но исправлять что-либо было уже поздно. Олег сел на стул и закинул ногу на ногу.

– Садитесь, подполковник, – властно сказал Пищук. – У меня к вам разговор с глазу на глаз.

– Конечно, – услужливо кивнул Валерий Георгиевич и дал понять взглядом Баршину, чтобы тот вышел.

Юрий Готов, тем временем остался в кабинете.

– Как чувствует себя Залыгин, – первым делом спросил Пищук.

– Хорошо. Ему уже значительно лучше. Он начал ходить. Эти ваши лекарства творят чудеса...

– Это хорошо, – перебил лепет подполковника Пищук. – Я думаю ему пора на свободу.

– Не понял?! – подполковник округлил глаза. – Что значит...

– Слушайте меня, – опять перебил Вишнякова гость. – Вы со своим майором, не помню, как его кличут, поможете устроить побег Залыгину. И не смотрите на меня такими глазами. Вы зачем звонили мне в Лондон?

– Ну... я хотел... – от неожиданного поворота событий Вишняков растерялся. – Я слышал, что вы дадите вознаграждение за информацию.

– Размечтался! – Пищук ехидно заулыбался и переглянулся с Готовым. – За информацию десятилетней давности никто платить не будет.

Вишняков побледнел. Неужели всё напрасно? Неужели он так просчитался?

– Что с вами, подполковник? – заметив изменения во внешности Вишнякова, спросил Пищук. – Вам плохо?

Валерий Георгиевич молча помахал рукой, давая понять, что всё нормально.

– Ну слава Богу. А я подумал, что вы так сильно расстроились. Но можно еще поправить ваше материальное положение. Понимаете, о чём я?

Вишняков снова не ответил, лишь отрицательно покачал головой.

– Ну что вы? Я думал вы более активный и продвинутый человек. Словом, – Пищук резко сменил мягкий, убаюкивающий тон на резкий, деловой, – надо устроить так, чтобы Залыгин сбежал. Устроишь – получишь вот столько, – Пищук развернул к себе настольный календарь, стоявший на столе начальника, и написал цифру с шестью нолями. – Рублей разумеется. Времени на раздумье не дам. Принимай решение сейчас.

Вишняков был не готов к такому. Он даже не представлял себе, как может начальник колонии, собственноручно устроить побег заключённому. Принять такое решение было просто. Но цифра, написанная рукой олигарха, как магнитом приковала взгляд Вишнякова. Он никогда в жизни не держал в руках таких денег. И вот всё это оказалось реальностью. Надо было только решиться.

– Хорошо, – вмешался в ход мыслей подполковника голос Пищука. – Я понимаю. Тебе надо будет делиться. Давай увеличим сумму.

Пищук опять повернул к себе календарь, и сумма выросла на несколько миллионов. Вишнякова накрыла лихорадка. Он еле сдерживал себя, чтобы не выказать дрожь во всем теле.

– Да, – очень тихо сказал Валерий Георгиевич.

– Не расслышал, что? – переспросил громко Пищук.

– Я сделаю всё, – уже более уверенно ответил Вишняков. – Только надо время.

– Так! Стоп! – Олег вытянул вперёд руку. – Мне это неинтересно. Я плачу не за то чтобы ждать. Времени у тебя подполковник нет. Всё должно произойти на днях. Юра тебе расскажет, что надо будет сделать. Юра, – повернулся к Глотову Пищук, – дай подполковнику аванс.

Глотов положил на стол дипломат, открыл его и выложил на стол Вишнякова несколько пачек свежих рыжих купюр. Начальник колонии посмотрел на деньги, потом поднял глаза на Олега Адамовича, перевёл испуганный взгляд на Глотова и, ослабив галстук, проямлил:

– Без вашей помощи я... мы можем не справиться. У меня нет ресурса.

Пищук встал. Он несколько секунд смотрел на подполковника. Потом сказал Глотову:

– Юра, разъясни всё товарищам, – затем обратился к Вишнякову. – Если что-то сорвётся, ответить придётся серьёзно. Такие правила. Когда всё будет сделано, я навещу вас.

Через полторы недели, во время конвоирования, Залыгин исчез из автозака.

Это имение на живописном берегу большой русской реки, Олег Адамович продавать не стал. Во-первых, оно было далеко от Москвы, а во-вторых, здесь была его родина. В станице, которая находилась в двух шагах от поместья, когда-то жил его дед и бабушка. Он с трепетом в душе вспоминал, как отец привозил его на каникулы в дом своих родителей. Олег редко, но с теплом в сердце возвращался мыслями в то время, потому что оно было единственно безгрешным и светлым пятном в его жизни.

Пищук видел, как поздним вечером в гараж заехал большой чёрный джип. Он уже знал, что это Глотов привёз Залыгина. Для убийцы приготовили комнату на втором этаже. Оборудовали её так, чтобы можно было продолжить лечение Максима. Он был ещё слаб. Глотов нанял охранное агентство и врача. То, что в доме находился беглый преступник, должно было оставаться в строгой тайне, поэтому отлучаться из имения всем временно нанятым работникам запрещалось. Молодой врач Коробков попросил дать ему в помощь медсестру, но Пищук отказал. И так слишком много свидетелей. Управляющему имением Николаю и обслуге Глотов запретил заходить в дом хозяина.

Комната, в которой содержали больного, была оборудована весьма скромно. Ничего лишнего. Кровать, несколько медицинских приспособлений и всё. Никакой другой мебели. На окнах плотные шторы и, конечно, решётки. Пищук велел Глотову постоянно психологически обрабатывать Залыгина. Юра был мастер в этом вопросе. Олегу Адамовичу надо было одно – знать, кому понадобилась смерть Анны и для чего. Как только Олег получит и проверит эту информацию, он рассчитается с Залыгиным. Пищук не стал избавляться от купленного у Ларисы и Александра дома, потому что именно там и решил закатать в бетон убийцу Анны. А как поступить с заказчиком он решит потом.

Спустя несколько дней, после завтрака, Олег спросил у Глотова:

– Юра, как наш подопечный?

– Наш подопечный, – отвечал Глотов, – это одна большая проблема.

– Что не так?

– Всё, Олег Адамович. Он пытается убедить меня, что самочувствие у него плохое. А это не так.

– А что говорит доктор?

– Коробков тоже неуверен, что Залыгин говорит правду.

– Твои предложения?

– В подвал его надо. Чую я, Олег Адамович, что-то недоброе.

– Хорошо! Скажи Коробкову, пусть возьмёт анализы. Если эта сука шельмует, отправим в подвал. Там, глядишь, сговорчивее будет.

– Я вас понял.

– Мы сегодня с тобой уедем. Охрану усилю.

– А куда поедем?

– Виталик Гришин пригласил на охоту. Надо уважить местного олигарха.

– Вы уверены, что нам надо ехать?

– Не волнуйся, Юра. Кроме нас и Гришина там никого не будет. Так что проинструктируй ребят и после обеда поедем.

Вместо одного охранника в комнате Залыгина стали дежурить двое. Вечером Залыгин стал стонать и метаться по постели. Он попросил врача сделать ему ещё один обезболивающий. Коротков сделал укол. Залыгин притих, но ненадолго. К полуночи начался приступ. Больной кричал, корчился на постели, бредил, и потом попросил пригласить к себе Пищука. Охранник сказал, что шеф уехал и вернётся только завтра к вечеру.

– Тогда Юра пусть придёт, – хрипел Залыгин.

– Юрий Владимирович тоже уехал с шефом, – сообщил охранник.

– Тогда позовите доктора. Только быстрее, умираю я.

Один из охранников достал мобильный и набрал номер Короткова. Телефон доктора был вне зоны доступа. Охранник выключил мобильный и выбежал из комнаты. Когда охранник привёл Коробкова и зашёл в комнату Залыгина, то оцепенел от неожиданности. Пол был залит кровью. На полу лежал второй охранник, и из его горла струёй вытекла кровь. Вдруг дверь комнаты громко захлопнулась. Охранник и доктор обернулись и увидели...

Глава вторая

Василий и Маша сели ужинать так и не дождавшись Людмилу. Впрочем, к этому они уже привыкли. Правда сегодня была пятница, а в этот день недели Людмила обычно приходила пораньше. Ужин готовила Маша, а Василий сидел со скучающим видом между обеденным столом и окном, и всё чаще смотрел на улицу в надежде увидеть служебную машину Загурской.

Людмила вернулась домой за полночь. Куприянов не спал.

– Привет, – выйдя в прихожую, сказал Василий. – Что-то случилось?

– Привет, дорогой, – Людмила поцеловала Василия и прошла на кухню. – Есть хочу, холодильник проглочу. Что у вас вкусенького сегодня?

– Иди руки мой, – снисходительно сказал Василий. – Сейчас покормлю. Маша вкусную солянку приготовила.

Людмила выполнила указания Куприянова и, переодевшись в домашнее, села ужинать.

– Ты не ответила мне, – решил напомнить свой вопрос Василий. – Что у нас случилось? Почему так поздно?

– Во-первых, не у вас, а у нас. Ты теперь не на службе. Привыкай, товарищ подполковник запаса. А если серьёзно, Вася, двойное убийство. Страшное и жестокое. Никогда такого не видела.

– Где?

– В области. В доме некогда известного Пищука Олега Адамовича.

– Припоминаю. Но он вроде как давно за бугром.

– Наверное, приехал родным воздухом подышать.

– Так кого убили и кто?

– Убили двух охранников. Жестоко убили. И доктор пострадал. Молодой. В реанимации сейчас.

– А сам Пищук?

– Его в доме не было. Он был на охоте. Вернулся вечером и вот такую картину застал.

Людмила отодвинула пустую тарелку и, поблагодарив Василия, рассказала все, что происходило вчера вечером. Людмилу вызвал начальник Анатолий Богданович Молчанов. Поступило сообщение об убийстве. Выехали на место. Огромная территория, обнесённая забором. В глубине стоит красивый большой дом. На крыльце дома следственную группу встретил мужчина. Он представился Гловым Юрием Владимировичем, помощником господина Пищука. Зашли в дом. Поднялись на второй этаж. Одна из комнат открыта. Весь пол залит кровью. На полу лежат люди. Мужчины. Их двое, в строгих одинаковых костюмах. Был ещё третий, доложил участковый. Он оказался жив и его срочно отправили в реанимацию. Третий оказался доктором из областного онкологического диспансера. Фамилия Коробков. Как он оказался в доме? Глов пояснил, что каждый раз, когда они с шефом приезжают куда-нибудь, он нанимает врача. Так, на случай если что-нибудь случится со здоровьем Олега Адамовича. Коробков был в отпуске и согласился пару недель пожить в доме и посмотреть за здоровьем олигарха. Странно это, но ничего противозаконного в этом нет. Допросить толком Пищука не представилось возможным. Он почувствовал себя плохо после увиденного, и после укола, сделанного врачом скорой, отпросился поспать. Завтра обещал прибыть на беседу к Людмиле, в следственный комитет.

– Ты сказала, что убили как-то жестоко, – спросил Василий, – это как?

– У одного из парней не было кадыка. Убийца вцепился зубами в шею и откусил кадык. Повредил артерию. Комната была залита кровью. Кстати, что странно, эта комната была совершенно пустая.

– Как пустая?

– Так. Одни шторы и всё. Никакой мебели. И ещё, в коридоре мы увидели след босой ноги. Думаю, это след убийцы. Но почему босиком?

– Что-нибудь пропало из дома? – спросил Куприянов.

– Да! Небольшой сейф с деньгами и драгоценностями. Помощник Пищука сказал, что там была большая сумма в валюте.

– Что-то странно всё это.

– Вот и я говорю, странное ограбление. Эксперты ещё работают. Утром будут результаты, а там решим, – Людмила потянулась, зевнула и, посмотрев на настенные часы, сказала. – Пошли спать. Уже третий час.

Василий никак не мог уснуть. Он погрузился в постели и, поняв, что сна не будет, пошёл на кухню. Куприянов размышлял о том, что рассказала ему Людмила. За долгие годы работы в милиции, а теперь в полиции, Василий Иванович уже автоматически анализировал все детали преступления. Вот и сейчас его мозг, вопреки всему, несмотря на поздний час и на то, что Куприянов практически пенсионер и не имеет отношения к этому расследованию, включил режим аналитического мышления. Вводных было мало. Но и того, о чём узнал Василий, оказалось достаточно для определённых выводов.

У нападавшего не было оружия. Или его, оружие, у убийцы отобрали. Иначе, почему он убивал голыми руками. Как преступник попал в дом? И почему он оказался босиком в пустой комнате на втором этаже? Почему неизвестный пошёл на преступление один? Судя по рассказу Людмилы, следов других преступников не обнаружено. Откуда у него информация о сейфе с деньгами? Почему взял только этот сейф и как вышел из особняка? Был ли у убийцы сообщник и ждал ли его где-нибудь поблизости? Вопросов много, информации мало.

«А если, – продолжал обдумывать разные версии Куприянов, – он не проник в дом, а был уже внутри. Допустим, в доме Пищука кого-то удерживали. Удерживали в пустой комнате. Босиком. Возможно без одежды. Тогда некоторые вопросы отпадают. Кто это мог быть? Зачем его надо было удерживать? Надо утром подкинуть эту мысль Людмиле. Пусть она в разговоре с олигархом намекнёт». Василий посмотрел на часы. Скоро шесть утра. За окном уже светло. Ложиться спать теперь нет смысла.

За завтраком Куприянов поведал Загурской плоды своих ночных размышлений.

– Ты, Василий, как всегда до противности логичен, – сделала вывод Загурская после предположений Куприянова. – Я думала об этом, но потом отбросила эту мысль.

– Почему?

– Не барское это дело, в своём доме содержать заложника. Пищук значительная фигура. Если бы ему было это нужно, он бы заплатил и сам не марал руки. Согласен?

– Ты, Люда, тоже логична до безобразия, – ответил с иронией Василий. – Но не отменяй эту версию. Она всё же вписывается в этот случай.

– Хорошо, бывший ты мой сыщик, – Людмила обняла Василия и вышла в прихожую.

– Расскажешь вечером, что тебе Пищук вещал? – крикнул вдогонку Куприянов.

– Тайны следствия не разглашаю, – крикнула в ответ Загурская и захлопнула за собой входную дверь.

Олег Пищук прибыл на допрос к Загурской с небольшим опозданием. Он без стука зашёл в кабинет и бесцеремонно сказал:

– Я бы хотел быстрее закончить эту процедуру.

Загурская, готовая к подобным выходкам богатых людей, ничего не ответила, а лишь молча указала на стул. Пищук громко отодвинул стул и сел. Процедура, как назвал допрос Олег Адамович, быстрой не получилась. Загурская задавала много вопросов, выслушивала ответы и всё подробно заносила в протокол.

– Значит, вы уверены, – спрашивала Людмила, – что преступник целенаправленно шёл обворовывать ваш дом. Как вы думаете, у него была информация о том, что храниться в вашем сейфе?

– Скорее это не сейф, а небольшой металлический ящик. Если он унёс именно этот, как вы называете сейф, то логично это предположить. Хотя, я думаю, просто лез наобум. Вы лучше знакомы с психологией этой братии. Делайте выводы сами.

– Кто знал из вашего окружения про содержимое этого сейфа?

– Про содержимое никто. Только я. И ключ есть только у меня.

– Вы можете перечислить все, что находилось внутри?

Пищук запустил руку во внутренний карман льняного пиджака и, достав оттуда свёрнутый вчетверо лист бумаги, положил его на стол Загурской.

– Это список того, что было в сейфе, – пояснил Пищук.

Людмила пробежала по списку беглым взглядом. Кроме примерно указанной суммы денег, там перечислялись ювелирные украшения с указанием приблизительной цены. Напротив одного из них, броши с сапфиром и бриллиантами, стояла баснословная цена.

– Здесь нет ошибки? – спросила Загурская, указав на этот пункт в списке.

– Нет! – сухо ответил Пищук, бросив небрежный взгляд на следователя. – Это работа середины девятнадцатого века. Там указана цена, по которой я её купил. Возможно, теперь эта брошь стоит дороже.

Олег солгал следователю. На самом деле этой броши, стоимостью четверть миллиона долларов в маленьком сейфе не было. Как там не было и других перечисленных ювелирных украшений. Пищук с Готовым сделали этот фальшивый список намеренно. Они задумали пустить следствие по ложному пути. Пищук совсем не хотел, чтобы Загурская узнала правду о Залыгине, о его признании в убийстве Анны и о том, что Олег ищет заказчика этого убийства. Чем дольше следствие будет идти в другом направлении, тем лучше. Тем больше возможности у олигарха завершить задуманное.

Пищук вместе с Готовым были уверены в том, что брошь никогда не всплывёт. Дело вот в чём. Более десяти лет назад у Олега была любовница Рита. Когда случились те страшные события, бесследно пропала Анна, Пищук возненавидел всех. Он объявил молодой пассии, что больше не хочет её видеть. Но у дамочки были другие планы. Она прилипла как банный лист. Снюхалась с представителями жёлтой прессы и несла в своих интервью чушь несусветную. Не убивать же её? Олег решил откупиться. Именно тогда он купил любовнице недвижимость в Европе, дал денег и в довесок подарил старинную, дорогую брошь. Поэтому Пищук был уверен, что если Загурская начнёт искать ворованную брошь, то никогда её не найдёт. В принципе расчёт был верен, если бы... но об этом позже.

Людмила дописала протокол и протянула несколько исписанных листов Пищуку, со стандартной фразой: «Прочитайте и распишитесь». Пищук стал внимательно перечитывать всё, что было написано с его слов. Прочитав, он поставил подпись и уже собрался выйти, как следователь спросила:

– Олег Адамович, а вас не смущает то, что наши эксперты следов проникновения в дом, то есть взлома, так и не обнаружили?

Пищук вернулся к столу Загурской.

– Меня смущает то, – негромко ответил он, – что вы и ваши эксперты плохо работаете. Поэтому я сегодня же буду звонить Пастухову. Надеюсь, вы знаете кто это такой?

Людмила поняла о ком идёт речь. Пастухов в настоящее время был заместителем министра внутренних дел. Само собой такой человек имел возможность повлиять на следствие.

– Это ваше право, – Людмила оставалась невозмутимой. – Но пока вы не созвонились с генералом Пастуховым, у меня ещё один вопрос. Что у вас было в той комнате, где нашли трупы?

Загурская могла и не задавать этот вопрос Пищуку. Это можно было выяснить у obsługi. Но Людмиле очень хотелось продемонстрировать своё превосходство. Вот ты хочешь уйти, ты уже подошёл к двери, а я имею возможность нарушить твои планы. Задержать тебя и заставить делать то, что надо мне. Нет, это не каприз и не предвзятое отношение к богатому и могущественному человеку. Это профессиональный подход. Встретаться с Пищуком придётся ещё не раз, а в этом Людмила не сомневалась, и при следующих встречах он уже начнёт побаиваться внезапных вопросов. Именно это и нужно следователю. Если в следующий раз он придёт с адвокатом, значит, ему есть чего скрывать и опасаться. А если есть чего скрывать, то рано или поздно Пищук ошибку совершит. Вот за это Загурская и сможет зацепиться.

Пищук взялся за спинку стула, который стоял рядом с ним и с силой сжал её. От Загурской этот жест не ускользнул. «Злитесь, – сделала вывод Людмила. – Интересно на что? На моё занудство или на сам вопрос. Ну, Олег Адамович, отвечай!»

– Я не знаю, что было в этой комнате. И знать я этого не должен. Я, уважаемый товарищ следователь, не дворецкий. Хотите это узнать, обратитесь к моему управляющему. Теперь я могу выйти отсюда?

Когда Пищук вышел, Людмила ощутила какой-то неприятный осадок. То ли от поведения Пищука, то ли от его ауры. Но ей захотелось открыть окна и дверь и проветрить помещение. Так Загурская и сделала.

Людмила ждала звонка из больницы. Она ещё вчера попросила главврача сообщить ей, если придёт в себя раненый Коробков. Врач был единственным свидетелем. Людмила знала, насколько важны были его показания. Но звонка не было. Видимо, Коробков не пришёл в сознание. Загурская решила набрать номер больницы и поинтересоваться как состояние раненого.

– Людмила Валентиновна, – узнал голос Загурской главврач Трунов. – А я подумал, что дело теперь ведёт другой следователь.

– Почему вы так подумали? – Трунов очень озадачил Людмилу.

– Так с утра звонил следователь мужчина. Сказал, что он теперь ведёт дело.

– Фамилия как? – строго спросила в трубку Загурская. – Кто звонил? Он представился?

Трунов на мгновение опешил. Людмила в свою очередь почувствовала, что дело приобретает совсем иной оборот. Почему она не потребовала выставить охрану у палаты реанимации?

– Кто звонил? – уже громче спросила Загурская.

– Сейчас, – голос врача задрожал. – Вот, я записал на календаре. Балонин. Да, Балонин, старший следователь Балонин. Он так представился.

Людмила не знала никакого следователя в следственном управлении по фамилии Балонин. Нет, Загурская сразу поняла, что это звонил не следователь. А кто?

– Я сейчас приеду, – решительно сказала Людмила. – Без меня никого в палату не пускать. Понятно?

– Да, конечно.

Загурская тут же позвонила Молчанову и рассказала о звонке от неизвестного Балонина. Молчанов сказал, что немедленно затребует охрану для раненого. Когда Людмила приехала в больницу, охранять уже было некого.

– Когда, – коротко спросила Загурская, глядя на накрытое простыней тело.

– Пять минут назад, – ответил врач–реаниматолог. – Но, если честно, с такой травмой головы не на что было рассчитывать.

– То есть он, вряд ли бы пришёл в себя, – уточнила Людмила.

– Да.

– Как вы считаете, никто не мог вмешаться?

– Вы имеете в виду, «помочь» бедняге?

– Да.

– Нет, Людмила Валентиновна. Я не думаю. К нему сегодня подходил только я и медсестра. Если что у нас тут камеры стоят. Можете посмотреть.

– Спасибо. Я посмотрю.

Загурская изъела записи с камер наблюдения и, просмотрев их в кабинете, действительно ничего подозрительного не увидела. Коробков умер от полученной травмы. Но тогда кто же звонил. Загурская написала поручение оперативникам. Надо было выяснить, откуда звонил этот Балонин.

Пищук после беседы с Загурской насторожился. Он как человек опытный и прозорливый, сразу понял, эта баба вцепилась как бультерьер. Пока не доберётся до главного, не ослабит хватку. С ней надо быть очень осторожным, а лучше вообще не встречаться. Он твёрдо хотел одного, как можно быстрее найти Залыгина. Следователей и полицейских надо опередить.

– Юра, останови машину, – сказал Олег Глотову, сидевшему за рулём.

– Что случилось? – спросил Глов, припарковав автомобиль на обочине.

Шеф некоторое время молча смотрел в окно. Потом откинулся на сиденье.

– Красивая роща, посмотри. Одни берёзки. Чисто и светло, – задумчиво произнёс Олег Адамович, не отрывая взгляда от пейзажа за окном. – Пошли, пройдемся. Помнём травку.

Юрий заглушил двигатель и вышел из машины.

– Что скажешь, Юра, по поводу всей этой ситуации, – спросил Пищук, уводя Глотова всё дальше в рощу. – Тебе не кажется, что мы расслабились и совершили много ошибок?

– Я вам, Олег Адамович, ещё в Лондоне говорил, что страна сильно изменилась. Законы другие, люди другие. Менты научились работать.

– Я это уже слышал, – раздражённо остановил рассуждения помощника Пищук. – Ситуацию надо исправлять.

– Будем исправлять, – согласился с шефом Глов. – Вы собирались позвонить генералу Пастухову.

– Звонил! Как от этой Загурской вышел, так и связался с Костей. Ты как всегда, чертяга, оказался прав.

– Не хочет помогать?

– Не может! Говорит твоими словами. Всё изменилось. Ищи, говорит, связи в следственном комитете. А я откуда знаю кто теперь из моих людей в этом комитете? Говорю, подскажи. А он сам ни черта не знает. Да, Юра, чужими мы стали людьми на этой земле.

– Давайте попробуем через частные структуры, – предложил Глов. – Сейчас в России есть хорошие агентства. С полицией сотрудничают. Владеют информацией. Я могу прощупать почву.

– А что, надо попробовать. Только быстрее, хорошо?

– Хорошо.

– Ну и теперь о главном, – Пищук снял пиджак, бросил его на траву и сел, скрестив ноги. – Что с молодым доктором?

– Я звонил сегодня в больницу. Представился новым следователем. Доктор в тяжёлом состоянии, надежды на то, что придёт с себя, нет.

– А если всё же придёт и заговорит?

– Я проплатил одному человечку в реанимации. Проблему решим быстро.

– Не расслабляйся. Держи на контроле.

– Конечно.

– Теперь вот что, с этими тюремщиками надо решить кардинально. Если следаки, не дай Бог, выйдут на Залыгина, то подполковник с майором, нам создадут огромные проблемы.

Глов не ответил, лишь кивнул в знак того, что понял.

– Ну и поработай с обслугой поместья. Хорошо поработай, чтобы лишний раз рот не открывали.

– Я всё сделаю.

– Поехали, – Пищук встал, поднял пиджак и направился к автомобилю.

Утром позвонил Эдик Сомов. Василий пообещал приехать в офис агентства к вечеру. Договорились на шесть. Ровно в шесть вечера Куприянов вошёл в кабинет Сомова. Эдуард принял Василия Ивановича как дорогого гостя. Он очень хотел, чтобы после выхода на пенсию Куприянов пришёл работать к нему. Василий пока не давал никакого конкретного ответа, пообещав подумать.

Допили сваренный секретарем Настей кофе и уже почти попрощались, как Настя доложила, что в приёмную пришли двое мужчин. Очень хотят поговорить с Эдуардом.

– Василий Иванович, – обратился к Куприянову Сомов. – Подожди. Поприсутствуй. Сразу будет для тебя показное занятие.

– Хорошо, – не стал возражать Василий и сел на диван в глубине кабинета.

Вошли двое. По внешнему виду сразу стало ясно, что неместные. Одежда, обувь, причёски и запахи – всё другое. Мужчина, который помоложе, остановился около двери, второй, видимо главный, подошёл к столу Сомова и, отодвинув стул далеко, сел. Он ничего не говорил, а только некоторое время разглядывал Сомова и сидящего на диване Куприянова. Василий Иванович не сразу, но узнал этого человека. Пищук сильно изменился, но цепкая память сыщика сработала на отлично.

– Здравствуйте, – первым нарушил молчание Эдуард. – Я вас слушаю. Как к вам обращаться?

Гость, ещё немного выдержав паузу, заговорил.

– Люди, которым я доверяю, сказали, что ваше агентство в этих краях самое профессиональное. Надеюсь, меня не обманули.

После этого вступительного предложения, гость опять взял паузу, внимательно вглядываясь в лица собеседников. Лица сыщиков не выражали никаких эмоций.

– Моя фамилия Пищук, – продолжил мужчина. – Я хочу нанять вас, господа, для поиска одного человека. Он нужен мне срочно. О гонораре договоримся.

Пищук сделал жест рукой и Глов, подойдя к столу, положил на него конверт.

– Здесь все сведения необходимые для поиска, – пояснил Юрий.

Сомов открыл конверт, достал оттуда фотографию и лист бумаги, на котором было написано несколько строк. Куприянов уже понял, почему Пищук со своим помощником пришли в агентство Сомова. Он знал от Людмилы, что случилось в особняке олигарха. Не трудно было понять, что человек, которого надо было искать, имеет отношение к убийству. Какое отношение, это вопрос. Но имеет это точно. Василий внешне не показывал никакого интереса, но внутри ему не терпелось засыпать вопросами посетителей. У Куприянова автоматически включился режим поиска. Он даже забыл, что уже отошёл от дел и ждёт приказа об увольнении.

– Мне очень жаль, – сказал Эдуард и положил фотографию и листок обратно в конверт. – Мы не имеем права разыскивать беглых преступников. Это дело полиции и специальных служб. Наша специфика немного другая.

– Вы не спешите отказываться, – настаивал Пищук. – Тот гонорар, который я собираюсь вам предложить, снимет многие ограничения. Ну и вы только что сказали, что ваша специфика немного другая. Слово «немного» оставляет простор для манёвра.

Пищук достал из внутреннего кармана авторучку и на обратной стороне конверта написал цифру.

– Достаточно? – спросил он. – Половину могу дать вперёд.

Василий со своего места не видел, какую сумму предложил за работу Пищук, но по реакции Сомова понял, что очень большую. Эдуард не отвечал. Тогда Олег Адамович продолжил. Он достал визитку и положил её перед Сомовым.

– Не торопитесь с ответом. До завтра я могу подождать. Подумайте, Эдуард. И вы, товарищ, – повернулся Пищук к сидевшему в кабинете Куприянову, – тоже подумайте.

Гость резко встал и пошёл к двери. На секунду остановился перед выходом и, повернувшись, сказал:

– Если работа будет сделана быстро, я увеличу сумму. С такими деньгами вы решите многие проблемы в своей жизни. Надеюсь на скорую встречу.

Посетители вышли, не закрыв за собой дверь. Конверт остался лежать на столе. Василий взял его, раскрыл и достал оттуда содержимое. «Залыгин Максим Викторович», прочитал Куприянов. Дальше было написано, когда и где родился, где проживал, сколько судимостей, за что отбывал наказание. Откуда совершил побег. Возможные связи. Василий внимательно рассмотрел фото. Фотография была сделана крупным планом. Только лицо и часть шеи. Василий обратил внимание на то, что внизу фото был виден край одежды. Куприянов положил фотографию на стол и спросил у Сомова:

– Как ты думаешь, что на нём одето?

Эдуард пригляделся. Явно часть воротника, который был виден, не относился к тюремной робе.

– Похоже на какой-то халат.

– Я тоже так подумал, – согласился Василий. – Судя по его виду, он болен. Бледный, синяки под глазами. И ещё этот халат. Похоже на частную клинику или что-то в этом роде.

– Возможно, просто в частном порядке где-то лечился. Дома, например, – сделал предположение Эдуард.

– Да, – ответил Василий и, запустив руки в карманы, о чём-то задумался.

– Василий Иванович, – как-то лукаво посмотрев на Куприянова, сказал Сомов, – да я посмотрю ты уже в поиске этого Залыгина. Зря. Дело опасное. Нам в такие дебри лучше не соваться.

– Нет, нет, Эдик, я не собираюсь нарушать правила. Это привычка.

Куприянов перевернул конверт и увидел цифру, которую написал Пищук. Это действительно были огромные деньги.

– Ух ты! – удивился Василий. – Такие деньги просто так не предлагают.

– Василий Иванович, ты просто не знаешь специфику нашей работы. Порой большие деньги предлагают за такую мелочь. Сам удивляюсь.

– Но не столько же? Господин Пищук за простого урку столько не заплатит.

Сомов взял и перевернул конверт цифрой вниз.

– Василий Иванович, не забивай себе голову, – сказал Эдуард, махнув рукой. – Это мне напоминает Мефистофеля из трагедии В.Гете «Фауст». Согласиться на это предложение всё равно, что продать душу дьяволу. Забудем.

После этих слов Сомов взял визитку Пищука и небрежно бросил её в ящик стола. Василий пока не стал рассказывать товарищу об убийстве в доме Пищука. И о своих догадках, само собой. Но желание влезть в это дело, найти Залыгина, выяснить какова причастность Олега Адамовича, понять причины и во всём разобраться, становилось непреодолимым.

Сразу после встречи в офисе Сомова, Василий позвонил Людмиле.

– Я еду от Сомова, – говорил Василий в трубку, – могу по дороге тебя забрать.

– Вот и хорошо, – ответила Загурская. – Заодно расскажешь, что ты делал у Эдика.

Сев в автомобиль Куприянова, Людмила первым делом спросила про цель встречи с Сомовым.

– Люда, – отвечал Василий, – я ещё ничего не решил. Сомов приглашает пойти к нему. Работа не пыльная, денежная.

– Свежо предание, – недовольно сказала Загурская. – Ты Василий и у Сомова умудришься найти приключения. Пойдёшь разоблачать неверного мужа, а нарвёшься на агента ЦРУ. Что не права, скажешь?

– Преувеличиваешь.

– Что преувеличиваю, твою способность на пустом месте вляпаться в историю?

– Преувеличиваешь мои скромные способности.

– Ну – ну!

– Кстати, – Василий всплеснул руками, – я зря время не терял. Могу кое-что тебе рассказать по поводу твоего расследования.

– Какого расследования, Куприянов? – Людмила насторожилась. Она почувствовала недоброе.

– Двойного убийства в доме Пищука, – пояснил Василий.

– Уже тройного. Коробков умер.

– Это плохо. Но вот что я хочу тебе рассказать. Сегодня я видел Пищука.

– Что!? – удивлённо спросила Загурская.

– Это была случайная встреча. Я специально его не искал. Нужен он мне? Так вот. Не перебивай, пожалуйста. Есть у меня ощущение, что никто на его бунгало не нападал.

– Не поняла?

– Думаю, что убийца был у него в доме. То есть его насильно удерживали. Видимо, совершая побег, этот пленник и натворил дел.

– Ерунда. Никто из obsługi не видел чужих людей в особняке, – возразила Загурская. – И вообще, Куприянов, я просила тебя никуда не влезать.

– Я никуда не влезая. Я просто был случайным свидетелем разговора. Сопоставил факты и...

– Останови машину! – вскрикнула Людмила. – Немедленно!

Куприянов нажал на тормоз и остановил автомобиль. Загурская повернулась всем телом к Василию.

– Даже не думай! – строго сказала она. – Я по глазам твоим вижу, что ты уже пошёл по следу. Забудь. Слышишь? Я приказываю. Иначе собирай вещи и уходи. Ты обещал!

Людмила открыла дверь и вышла из машины.

– Ты куда? – окликнул её Куприянов.

– Прогуляюсь пешком. Все нервы мне поднял, – ответила Загурская и, хлопнув сильно дверцей, пошла по тротуару.

Василий ещё несколько минут сидел в машине и смотрел на то, как уходит его женщина. Он сидел, оперевшись подбородком в руль и думал. Как ему поступить? Да, обещал Людмиле больше не заниматься розыском. Да, обещал после увольнения устроиться на спокойную, безопасную работу. Но как быть ему со своей сущностью. Он не мог просто так оставаться в стороне, когда знал, что преступник очень опасен. Знал где и как его искать. Он, подполковник Куприянов, знал кратчайший путь к результату. И потом, он ведь ещё на службе. Его ещё не уволили. В этот момент Василий Иванович вспомнил девяносто четвёртый год, когда он уже практически гражданский человек, настоял на расследовании дела о воровской банде Терёхиной. И не зря. Пусть через много лет, но раскрыл это преступление. Вот и сейчас Василий задумал пойти к начальнику управления Габашидзе и настоять на своём участии в расследовании убийства в особняке Пищука.

«Напрасно Людмила не хочет меня выслушать, – продолжал размышлять Василий. – Это понятно. Она беспокоится обо мне. Не желает больше волноваться и переживать. Но я не смогу тихо стоять в сторонке, платочек в руках теребя. Я мужик. Я опер. Я мент, в конце концов.

Почему я должен угнетать свою сущность. Делай Василий Иванович так, как подсказывает тебе сердце. А Люда... Люда потом поймёт».

На следующий день, в кабинете генерала Габашидзе, Василий Иванович излагал свой план. Михаил Ревазович слушал, не отводя взгляд от подполковника. Василий предлагал себя в качестве агента под прикрытием. Ничего не надо было придумывать. Он на самом деле увольняется. На самом деле устраивается на работу в частное детективное агентство Сомова. И на самом деле хочет заработать денег. Всё очень правдоподобно. Даже если Пищук или его помощник Глотов заподозрят что-то, то никакого обмана со стороны Куприянова нет. Всё на самом деле так.

– Всё? – дослушав Василия, сухо спросил Габашидзе.

– В целом всё. Над деталями можно ещё подумать.

– Ты совсем опупел, Василий, – развёл руками генерал. – То уйду окончательно и бесповоротно, то верните меня, и дайте поймать ещё одного преступника, то вздумал на старости лет поработать под прикрытием. Дурдом, Василий Иванович!

– Понимаю, Михаил, но официально я ещё не уволен. Даже числюсь начальником отдела.

– Поглядите на него! – взмахнул руками Габашидзе. – А куда я дену Фисенко. Он уже в Москве на курсах. Слава уже готов на должность начальника. Куда я его дену?

– Кадровик доложил, что документы на моё увольнение должны прийти недели через две, – спокойно парировал Куприянов.

– Ладно! Пусть так. Тогда другой вопрос. Зачем тебе искать этого, как его?

– Залыгина.

– Да, Залыгина. У нас даже дела такого нет в управлении. Что за идиотская инициатива?

– У нас есть двойное убийство в доме Пищука.

– Это не у нас, – перебил подполковника Габашидзе. – Это у следственного комитета. Оперативное сопровождении из района. Тебе там делать нечего, Василий Иванович.

Куприянов решил выложить козырей.

– Михаил Ревазович, неужели ты не видишь, что это дело я размотаю в считанные дни. Будет тебе убийца на блюде, он же, вероятно, беглый зек. Там глядишь, и организаторы побега всплывут. Одни положительные показатели. И все в нашем управлении. Чего плохого. Или мы уже перестали бороться за показатели?

– Ну и противный ты стал, Василий Иванович, – генерал лукаво улыбнулся. – Запрещёнными приёмами пользуешься, подполковник.

– Я, Михаил Ревазович, добиваюсь результата. Ты же меня знаешь тысячу лет. Дай мне найти этого душегуба. Мне две недели хватит.

– Я знаю. Нет! Я уверен, – вставая из-за стола и снимая китель, сказал Габашидзе, – что ты раскроешь это преступление за две недели. И найдёшь беглого зека. Так оно и будет. Но!

Ещё я уверен в том, что ты, Василий Иванович, обязательно вляпаешься в какой-нибудь блудняк. Извини за такой жаргон.

– Постараюсь этого избежать, Михаил Ревазович.

– Ты уж постарайся. План положи мне на стол. Мне надо вникнуть. Сам подожди в отделе. Я позвоню.

В итоге генерал согласился с Куприяновым. Василий тут же поехал к Сомову. Надо было действовать быстро, пока Пищук не передумал и не нашёл другое частное агентство.

– Василий Иванович, ты уверен, что это хорошая затея? – спросил Эдуард, когда Куприянов посвятил его в суть операции. – Ты же понимаешь насколько это опасно. Я тут навёл справки про этого Пищука. У него, похоже, не один скелет в шкафу.

– Знаю я, Эдик. Я тоже про него справки навёл. Шлейф за Олегом Адамовичем будь здоров. Но прихватить его в своё время не смогли. Хотя многие хотели. Десять лет назад дочь у него пропала без вести. Тогда он всё продал, ушёл со всех должностей и уехал из страны.

– Я тоже думал об этом, – добавил Сомов. – Такая картина складывается, как будто его шантажировали. Либо ты сваливаешь, либо дочь больше не увидишь. Только сведений что дочь нашлась, нет.

– Или хорошо эти сведения скрывают. Чего мы с тобой гадаем, Эдик? Давай действовать. Подберёмся к Пищуку, всё узнаем. Звони. Говори, что согласен на его предложение. Да, и сразу аванс проси. Много проси.

Сомов открыл ящик стола, нашёл там визитку Пищука и набрал номер.

Домой Куприянов возвращался поздно. Людмила уже звонила часа два назад. Интересовалась, куда вдруг запропастился Василий. Куприянов ответил, что помогает Сомову. Есть одно дело в районе. Раз уж решил стать частным детективом, надо потихоньку приобщаться. Загурская, услышав это, разозлилась и положила трубку. На самом деле Куприянов ездил в поместье Пищука. Сомов сказал, что пришлёт своего нового компаньона. Именно компаньона, а не наёмного работника.

– Почему не сам? – спросил Пищук.

– Понимаете, Олег Адамович, вы обратились внезапно. А у меня уже запланированы другие дела, – выкручивался Эдуард. – Отложить не могу. Но вы не переживаете. Василий Иванович профессионал высокого класса. Можете навести о нём справки. Он подобных дел раскрыл немало.

– Хорошо. Пусть приезжает, – ответил Пищук.

Поместье олигарха находилось неблизко. На дорогу Василий потратил часа полтора. Начал сыщик с осмотра дома. Он попросил помощника Пищука не сопровождать его. Готов возразил и ходил за Куприяновым как тень. Василий, помня рассказ Загурской о том, что убийство произошло в комнате на втором этаже, сразу туда не пошёл. Он планомерно обходил вместе с Готовым все помещения на первом этаже. Готов смотрел на действия Куприянова с недоверием. Наконец, когда терпение Юрия иссякло, он обратился к Василию с явным недоволением в голосе:

– Василий Иванович, вам не надоело?

– Что? – сыщик изобразил на лице недоумение, хотя прекрасно понимал, на что намекает помощник Пищука. – Вы что имеете в виду?

– Вы странно себя ведёте, – пояснил Готов. – Даже не спросили, где совершено убийство. Зачем вы тратите время на это брожение по комнатам? Пойдёмте наверх.

Василий еле заметно улыбнулся и парировал:

– Юрий, а разве место преступления не осматривал следователь, криминалист, опера, которые сюда приезжали?

– Осматривали.

– И что они нашли?

– Кроме трупов ничего.

– Тогда скажите, зачем мне искать следы на поляне, где уже всё вытоптано? – Куприянов широко заулыбался и похлопал Юрия по плечу. – Я вас понимаю. Но вы уж потерпите. Или давайте я сам тут поброжу, а вы займётесь своими делами.

По глазам Глотова Василий видел, что мужчина ему не доверяет.

– Нет, – недолго думая, ответил Юрий, – я буду с вами.

Куприянов продолжил осмотр. В комнату, про которую он слышал от Людмилы, Василий зашёл в последнюю очередь.

– Юра, не расскажете мне, что вы увидели, когда вошли в эту комнату?

– Хорошо, – согласился рассказать Глов.

Он начал рассказывать и показывать, что было в тот вечер. Но Василий не очень слушал. Он ходил по комнате и внимательно её осматривал. Комната была совершенно пуста. Стены покрашены в белый цвет. Окна зашторены. Это помещение выглядело явно чужеродным во всём доме. Василий Иванович, делая вид, что внимательно слушает Глова, подошёл к окну и одёрнул шторы. Подоконник и стёкла окон были хорошо вымыты. А вот откосы показались Куприянову только что отремонтированными. Василий провёл пальцем по недавно нанесённой краске. Он собрался задать вопрос Юрию, но вдруг, опустив голову, увидел на полу, под тяжёлой шторой маленький пластиковый кружлячок. Василий оглянулся на Глова. Тот не спускал глаз с детектива. Поднять незаметно эту маленькую пластиночку и разглядеть её, не представлялось возможным. Тогда Василий решил пойти на хитрость. Он сморщился и начал тереть виски.

– Юрий, извините, у вас не найдётся в доме таблетки от головной боли? – спросил тихо Василий. – У меня кончились, а я торопился и не купил. Голова сильно разболелась.

– Одну минуту, – ответил Глов, и, достав из кармана мобильный, позвонил кому-то.

Пожилая женщина, очень скоро принесла таблетку и стакан воды. Василий поблагодарил её и, поставив стакан на подоконник, как бы случайно уронил таблетку.

– Всё! – запричитал Куприянов. – Устал! Пора ехать домой.

Он наклонился и стал за шторой искать упавшую таблетку. Внимание Глова было отвлечено и Василий без всякого труда, аккуратно и незаметно, поднял пластиковую пластинку и положил её в карман. Затем нашёл таблетку, бросил её в рот и запил водой.

– Теперь должно полегчать, – сказал Куприянов и тут же задал неожиданный вопрос Глову. – А что у вас было в этой комнате?

Глов сразу не ответил. Он сначала насторожился, а потом, поняв, что Куприянов хочет застать его врасплох, безразлично ответил.

– Да ничего особенного. Когда-то здесь стояли стеллажи с разной мелочью. Как кладовка использовалась. А потом просто пустая комната.

– А зачем меняли окно? – не отставал Василий.

– Окно? – переспросил Юрий и подошёл к окну. – Почему вы так решили?

– Потому что здесь свежая штукатурка и краска на откосах, – Василий при этих словах провёл рукой по свежей краске.

Глов прекрасно знал, зачем ремонтировали откосы. Перед тем как поместить сюда беглеца, вмонтировали решётку, чтобы Залыгин не сбежал. А после происшествия он, Глов, лично приказал одному из охранников срезать её. Сделали это до приезда полиции. Естественно, откосы были испорчены. Но во время осмотра никто не обратил внимания на этот факт. На следующий день откосы заново заштукатурили, а затем и покрасили. И нате вам, этот детектив вдруг этим заинтересовался. Надо было выкручиваться.

– Я думаю, просто обновили краску, – делая равнодушный вид, ответил Юрий. – Олег Адамович не любит когда что-нибудь в доме выглядит непристойно.

– Логично, – ответил Куприянов и больше не стал спрашивать ни о чём. Хотя вопросов было предостаточно.

Всё то время, что Василий провёл в пути, он не переставал думать о настоящем предназначении пустой белой комнаты. Она вдруг напомнила ему больничную палату. Да и присутствие доктора в доме было не просто прихотью олигарха. Что-то скрывали Пищук и Глов от следствия и от него, Василия Ивановича. Что это за пластмассовая пластинка, лежащая у него в кармане? Возможно пустяк. Вещь, не имеющая отношения к преступлению? А может быть, наоборот. «Интересно, Людмила осматривала это помещение? – продолжал размышлять Василий. – Жаль, что не могу с ней поговорить на эту тему. Вернуться бы в эту комнату с

экспертом, да кто же мне это позволит? Ты вроде как не на службе. Ты частное лицо. Хорошо хоть лицо, а не что-нибудь другое».

Василий решил вернуться завтра в имение и опять обшарить весь дом. Он позвонил Сомову и сказал:

– Эдуард, у меня к тебе большая просьба, узнай все, что можно про охранное агентство «Атлант».

– Это то, которое занималось охраной особняка Пищука? – уточнил Сомов.

– В идеале мне нужны парни, которые бывали в доме. Вдруг поделятся информацией.

– Понял, Василий Иванович. Завтра займусь.

Василий вошёл в дом уже в одиннадцатом часу. В прихожую вышла Маша.

– Привет! Как у нас дела? – спросил Куприянов.

Судя по тому, что Людмила не вышла встречать, Василий понял – ссора неминуема.

– У вас, – шепотом сказала Маша, – дядя Вася, дела плохи. Прокуратор негодует.

– Понятно! Причину негодования не указывала?

– Зря шутишь, – ухмыльнулась девушка. – Она настроена решительно. Иди на кухню, поешь. А то вдруг оставит тебя без ужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.